

УДК 130.2:008.2

ТРАДИЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИНТАГМА В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ⁸

М.К. Трифонова

Исследование посвящено обсуждению феномена традиции в широком историко-культурном смысле. Автор осуществляет пересмотр прежних стратегий цивилизационного развития и указывает причины глобального кризиса технократической цивилизации.

Ключевые слова: *традиция, социокультурная синтагма, технократическая цивилизация, стратегии развития.*

Нередко в дискуссиях о месте традиций в технократической цивилизации высказывается мысль об их архаичности (и даже искусственности) перед лицом стремительно трансформирующегося и глобализирующегося мирового сообщества. На самом деле серьезный подход и достаточно глубокий анализ этой проблемы сегодня становится весьма актуальной задачей, если мы поймем, что из противоречий, в которых запуталось западное общество, нет иного выхода как фундаментальный пересмотр основных стратегий цивилизационного развития. При такой постановке вопроса мы с необходимостью обращаемся к феномену *традиции* в широком историко-культурном смысле этого слова. Специальному обсуждению этого феномена и посвящена предлагаемая статья.

Любая человеческая общность может более или менее длительно существовать в потоке исторического времени лишь при условии, если ей удастся быть некоторой *целостностью*, если она *устойчиво воспроизводит сама себя*, гармонизируя свои отношения с окружающим природным и социальным миром. *Принцип устойчивого развития – основной закон поступательного хода истории*. Из этого закона следует, что любое общество постоянно нуждается в определенном роде *скрепах*, обеспечивающих его самосохранение. Устойчивость может касаться двух уровней – хозяйственного и социокультурного. Каждый из них существует автономно, но в определенных исторических условиях они могут существенно влиять друг на друга, играть роль компенсаторного фактора. Как известно, древнеегипетская цивилизация была тесно связана с сельскохозяйственной деятельностью, осуществляемой вдоль реки Нил. Частые разливы Нила, засухи и песчаные бури окружающих пустынь создавали ситуацию непредсказуемости, неустойчивости и риска. Противовесом такой хозяйственной неустойчивости служила мощная и жестко закрепленная система верований и основанных на ней социальных и религиозных институтов.

Какова же природа названных выше социокультурных скрепов общества? Первое, о чем здесь должна идти речь, это феномен *традиции* как механизма

⁸ Работа выполнена в рамках украинско-российского проекта №29 (Постанова Президії національної академії наук України №88 від 30.03.2007 р.).

сохранения и передачи опыта предшествующих поколений. Традиция – это эффективный общественный *регулятор стабильности* системы ценностей, правил поведения, этических норм и взаимоотношений людей. Это – *инструмент*, без которого невозможно сохранение цельности тех или иных родовых или национальных сообществ.

Итак, мы видим, что традиция есть *форма* сохранения и передачи последующим поколениям некоторого *содержания*, обеспечивающего выживание той или иной общности людей. Что же это за «содержание»? Его можно назвать по-разному – «сокровищницей», «мудростью веков». Это – устойчивое, выработанное на протяжении столетий и отшлифованное опытом многих поколений социокультурное образование, включающее в себя совокупность:

- ключевых ценностных ориентаций;
- верований;
- этических правил и норм;
- мировоззренческих установок;
- запретов, разрешений и идеалов;
- стратегий выживания индивида и рода.

Отмеченный духовно-практический феномен можно назвать *социокультурной синтагмой*. Это – культурный генотип, *система координат* исторического бытия того или иного человеческого сообщества, характеризующаяся следующими свойствами: целостностью, высокой устойчивостью по отношению к историческому течению времени, статусом абсолютной «очевидности» с точки зрения здравого смысла. Последнее свойство вытекает из того, что перед нами система коллективно-бессознательных «архетипов» (Юнг). С познавательной точки зрения синтагма представляет собой то, что Поляни называл «неявным знанием». Близкую к данному подходу мысль развивает А.П. Огурцов. Он пишет: «Синтагма – это такой способ организации духовной жизни и ее результатов, при котором когнитивные феномены возникают и существуют в жизненной ситуации общения, где мышление есть мышление в мире, в некоторой «общинной» жизнецелостности или в потоке исторических ситуаций, где мудрость – это философствование внутри жизни, принципиально не замкнутое и не отлагающееся в мыслительных конструкциях – системах, а познание – непосредственно-жизненное, духовное действие, проясняющее, реализующее и восстанавливающее внутреннюю целостность человека». [1, с. 15]

Историческое предназначение синтагмы – обеспечивать полноценное выживание этноса на основе его внутренней устойчивости. Но синтагма не может существовать сама по себе, ее скрытый (сакральный) смысл, равно как и явный (повседневный) смысл нуждается в объективации, в опредмечивании. Эту функцию и выполняет особый инструмент – традиция. Последняя есть форма, в которой единственно только и может существовать «дух народа». Речь идет не просто об «идеологии» или о «духовной жизни общества», речь идет о символическом, *культурном коде*, который служит скрепами, цементирующими людей в одно целое и позволяющими им идентифицировать себя с определенными группами: племенами, этносами, религиозными общинами и даже целыми цивилизациями.

«Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты». [2, с. 17] Как подчеркивает С. Хантингтон, для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь [там же, с. 16]. Именно различные виды культурной идентификации определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта.

Идеология представляет собой результат выделения и отсорбирования отдельных компонентов синтагмы от соответствующих им социокультурных контекстов. Другими словами, никакая серьезная идеология не может возникнуть и существовать без культурной почвы, без всякой связи с «духом народа». Но идеология, как правило, отражает эту связь односторонне, огрубленно, в угоду текущим политическим интересам. В итоге нередко случается, что идеология, вырастая из духовных пластов традиции, эти пласты подтачивает, деформирует или даже разрушает. Незыблемость традиций обеспечивает незыблемость тех фундаментальных смыслов и ценностей, на базе которых эти традиции исторически формировались.

Когда говорят о необходимости бережного отношения к традициям, то часто смешивают две разные проблемы:

а) сохранение традиций как этнографического феномена, как элемента культурного наследия;

б) сохранение самого духа и души народа, его опыта, его мудрости и способа выживания в мире.

Эти аспекты важно различать потому, что каждый из них диктует нам свою логику. Так, если сама синтагма сохраняется, как незыблемая духовная целостность, то отдельные традиции, которые ее объективируют и презентуют, могут при определенных обстоятельствах и в силу целесообразности так или иначе видоизменяться, варьироваться и создаваться новые. И наоборот: если традиции продолжают работать, но лежащие в их основе установки и ценности деформированы, размыты, разрушены, то культура данного народа, его стратегии выживания безвозвратно утрачиваются. Мы приходим, таким образом, к формуле «основа (синтагма) – средство (традиция) – цель (выживание)». Это триединство обеспечивало на протяжении тысячелетий как духовное своеобразие субъектов исторического процесса, так и их устойчивое развитие.

Меняйте какие-то элементы традиций (например, одевайте мало известные африканские племена в современные европейские одежды) – это не будет трагедией. Включив новые элементы в свой гомеостазис, племена по-своему преобразят их (ту же, скажем, одежду), насытят их национальным колоритом, включат фрагменты, отражающие сакральность и т.д. А вот когда вместе с традицией вторгаются в мировоззрение, верование, систему отношений между мужчиной и женщиной, взрослым и ребенком, новорожденным и стариком – на национальной неповторимости, национальной культуре можно ставить крест.

Современному европейскому обществу явно не хватает традиций. Но попытки их установить (или восстановить) выглядят в лучшем случае карнавалом, в худшем – пародией. Почему?

Потому, что на самом деле европейские сообщества нуждаются в устойчивой безусловной системе ценностных координат, однозначной совокупности этических норм, четкой, повторяющейся от поколения к поколению, системе правил поведения в различных жизненных ситуациях и отношения внутри возрастных групп. Релятивность порождает неопределенность, неопределенность порождает скептицизм, скептицизм порождает преступления (правовые, нравственные, служебные). Система «табу» и «можно» должна быть а) обоснована б) безусловна.

Если возникнет этот фундамент, эта устойчивая синтагма - она быстро обрстет традициями, сохранять которые каждый будет с радостью и бережно.

Кстати, один элемент общечеловеческой синтагмы уже естественно возник: это космизм, осознание уникальности и ранимости жизни на Земле.

Ложно понятая демократия расшатала основы общностей (семейных, родовых, национальных). Их нужно восстановить и хранить через традиции.

Традиция, потерявшая дух синтагмы, становится пустышкой, совокупностью утративших смысл ритуалов, а синтагма, которая не закреплена в лоне традиции, просто умирает.

Призыв «Назад к традиции!» не следует понимать на уровне обыденных представлений. Во-первых, существенно пересматривается само понятие традиции как универсального социокультурного феномена, органически связанного с культурными кодами человечества. И тогда станет ясно, что речь идет о возврате не столько к «старому», сколько к «вечному». Во-вторых, дело вовсе не в самом феномене традиции как таковой. Скорее, речь идет о возрождении через механизм традиции как формы ее содержания – социокультурной синтагмы как системы скрепов общества. Если форма может меняться, приравливаясь к тем или иным историческим условиям и жизненным перипетиям народа, то содержание представляет собой нечто несравненно более инвариантное, ибо в своей основе является комплексом общечеловеческих ценностей, которые в своей сущности не могут устареть, пока существует человеческая цивилизация. Как подчеркивал Э. Мунье, человеческие абсолюты – это тотальность самой истории. Без соотнесения с Абсолютом вовлеченное в социальные контексты существование будет постоянно искажаться и вести человека к отчаянию и увяданию. Разломы, совершаемые в бытии от имени Абсолюта, становятся безвозмездными пожертвованиями. Они не только сообщают деятельности трагический характер, но и делают ее вечно молодой и полной обещаний. [3, С. 43-44]

Не только в историческом прошлом, но и в эпоху глобализационных тенденций общество нуждается в абсолютных системах координат, в цементирующих его устоях. Но, утратив многие традиции, мы утратили и эти устои. Инвариантные ценности не могут существовать в плюралистическом мире, где царят моральный релятивизм, индивидуализм, вещизм и прагматизм. Важнейший путь выхода из надвигающегося антропологического кризиса – это возрождение культурных кодов больших и малых народов, а это невозможно осуществить без возрождения традиций этих народов. Именно в этом смысле прежде всего и идет речь о возвращении к Традиции (Запад) и о сохранении Традиции (Восток). Но в этом призыве есть и еще один важный аспект. Дело в том, что традиции – это вовсе не

обязательно нечто прошлое; они могут возникать и практически возникают и в наше время. Это связано с тем, что появляются новые культурно-исторические реалии, формы бытия людей, современные способы производства человеческого в человеке, например, такое явление как глобальность современного технологического прогресса и мировых информационных сетей. Человек, входя в пространство современной цивилизации, должен иметь ясное представление о том, какие существуют перспективы этой цивилизации, а также те реальные угрозы и кризисы, которые она в себе несет. Он должен знать, как ориентироваться в этом новом мире, какую выбирать жизненную стратегию и на что надеяться.

При этом важно иметь в виду, что новые традиции не выдумываются; они не изобретаются по заданию чиновников и бюрократов, они должны иметь корни в глубинах народной жизни, каким-то образом восходить к древним обычаям, праздникам, архетипам. Традиция как феномен всегда выражает связь времен, идею ценности прошлого, принцип сохранения всего здорового и позитивного в истории народа, потребность возвеличить высокие моральные качества предшествующих поколений – стойкость духа, трудолюбие, преданность Отечеству, самопожертвование, сострадание и т.п.

Традиция – это способ стихийного, спонтанного, часто неосознаваемого творчества масс, использующих все имеющиеся в культуре формы духовного самовыявления человека – искусство, мораль, религию, обрядовую деятельность, спорт, досуг и т.п. В менталитете каждого народа живут некие мироконструирующие идеи, мировоззренческие установки, но они могут пребывать в глубинах сознания как некие неясные, интуитивные предрасположенности, которые, порой, как бы спят. Если их не разбудить, они могут быть преданы историческому забвению. Традиция актуализирует эти полузабытые смыслы, ценности и желания. Через сценарий обряда, праздника, слово, музыку, танец, костюм, ритуал, коллективные действия, шествия и т.п. традиция позволяет людям их осознать, эмоционально пережить и в результате духовно окрепнуть и мобилизовать свою волю на общественно значимые действия. Традиция – это своеобразное художественное произведение, культурно-исторический спектакль, в котором благодаря активному участию исполнителей и зрителей оживают и материализуются архетипические идеи, глубинные настроения людей, сакральный настрой их духовного бытия. Можно поэтому сказать, что это спектакль жизни, а не искусства, он опредмечивает неосознанное, но самопонятное каждому, кто живёт в лоне традиции. К примеру, для русского народа характерна идея единства, единения, соборности, примирения. Однако, в определенных исторических обстоятельствах этот настрой может перевешивать другая архетипическая идея справедливости, которая, будучи гуманной самой по себе, в условиях революции и гражданской войны становится мощной разрушительной и кровавой силой, породившей трагический раскол внутри народа. Несколько лет тому назад в России был учрежден новый праздник – 4 ноября как день народного единства, сплоченности, взаимного прощения и гражданской солидарности. Положено начало новой традиции. Ее конкретные сценарии еще слабо очерчены. Цель закладываемой традиции достаточно очевидна: то, что было интуитивным, артикулировать, сделать

явленным, превратить в могучий духовный фактор, оттеснив, может быть, какие-то другие интенции или дать им иное толкование. Этот пример с культурологической точки зрения интересен тем, что мы видим традицию в ее начальном генезисе, когда наглядно просматриваются, так сказать, технология выстраивания этого феномена как духовно-практического произведения. Ведь рождается не только традиция, через нее предпринимается попытка воссоздать какой-то важный элемент синтагмы как российского культурного кода.

Любая устойчивая система ценностей выполняет по отношению к индивиду функцию морально-психологической защиты, направленной на устранение чувства неполноценности, тревоги и фрустрации, которые могут возникнуть в драматических ситуациях того или иного типа. Однако если такая система перестает выполнять свою функцию защиты, возникает потребность в обретении новых ценностей или ухода от проблемы (алкоголь, наркотики, агрессия). Но трансформация ценностей – долгий, мучительный и сопряженный с риском процесс. Одно из следствий этого процесса – появление маргинальных личностей и групп.

Размывание традиционных ценностей, десакрализация мира, отчуждение личности от различных форм социального бытия, кризис идентичности – таковы главные истоки маргинальности. Маргинализация все больше становится одной из характерных черт развития современной цивилизации. Маргинальность (от лат. *Marginalis* – находящийся на краю) – это особое состояние индивида или группы людей, поставленных историческими обстоятельствами на грань двух традиций, культур, живущих в этих традициях или культурах, но не примыкающих полностью ни к одной из них. Американский исследователь Т. Шибутани относит к маргиналам людей, находящихся между двумя и более социокультурными мирами, но не принятых ни одним из них как его полноправными участниками. Массовые беспорядки в пригородах Парижа и в других французских городах в ноябре 2005 года, когда тысячи молодых людей арабского и африканского происхождения сжигали за одну ночь сотни автомашин, киосков, магазинчиков – ярчайший пример проявления маргинализации европейского общества в начале XXI века. Мигранты с Востока и Африки во втором поколении оказались в ситуации, когда утрачено соответствие между включенностью этнических меньшинств в новую для них систему социальных отношений и их принадлежностью к старым традициям.

С одной стороны, эти группы пытаются как-то усвоить культурные ценности и образцы поведения доминантной группы, а с другой – оказываются выключенными из системы социальных отношений в ее полноценном варианте (безработица, отсутствие личностной социальной перспективы, ощущение ненужности и второстепенности). Все это порождает деструктивный тип поведения, агрессивность, беспокойство, неадекватность. Время от времени накопившаяся деструктивная энергия выливается в массовые волнения, экстремизм, терроризм.

Выпадая из лоно традиции, маргинальная личность теряет способность идентифицировать себя с прежней группой, но одновременно не чувствует психологическую близость ценностей и норм общества, в которое эта личность переместилась. Возникает эффект «аномии», т. е. чувства рассогласованности

нормы и поступка. Индивид в такой ситуации склонен к девиантному поведению. В его сознании сталкиваются две (или больше) системы ценностей – прежняя и новая, результатом чего становится неопределенность, сомнительность или двусмысленность социальной роли и статуса маргинала. Раздираемый противоречащими друг другу социокультурными установками и требованиями, человек охотно поддается различного рода влияниям политического или религиозного экстремизма и нигилизма.

Разрушение или забвение традиций ведет к появлению маргинального сознания, к возникновению особого типа человека - маргинала, бездомного существа, у которого нет ни Дома, ни Храма, ни Школы. Он на окружающую жизнь смотрит со стороны. Это взгляд пришельца, постороннего, чужака. Индивид оказывается выброшенным из традиционных хронотопов бытия, т.е. собственно человеческих интервалов своего существования. И начинает существовать как бы "в промежутке", в межинтервальном пространстве. Что представляет собой это последнее? Конечно, речь не идет о чем-то, не имеющем вообще никакой привязки к социокультурной реальности. В сущности, это некое обширное, объединяющее всех и вся пространство бытия людей, внутри которого функционируют более мелкие, но одновременно более компактные, лучше организованные "ячейки", некие целостности, например, неформальные объединения в городах - научные сообщества, бизнес-клубы, религиозные ордена, различного рода объединения политической, культурной или спортивной элиты. "Простой человек" из другой местности, попав в большой современный город, естественно не имеет доступа ни в одну привилегированную "ячейку"; единственный доступный для него мир - это "улица", гетто, свалка, общегородская среда обитания со всей ее неустроенностью, бестолковщиной, рискованностью, цинизмом, безразличием. В современных мегаполисах если и наблюдается какой-то социальный прогресс, то он идет прежде всего через образование суперзамкнутых социальных пространств, а вот "пространство для всех" совершенствуется крайне медленно, а порой и вовсе деградирует. Здесь человек не защищен, не окружен вниманием, а иной раз унижен и оскорблен. Здесь город-мир джунглей, он отчужден от человека. Это - бездомное пространство профанного мира для профанов. Можно сказать поэтому, что межинтервальное пространство - это мир, куда "сбрасывают" все ненужное, социально незащищенное, это мир "падших", выброшенных из "монад", находящихся на более высокой социальной лестнице.

Другим истоком маргинализации индивида является идущий (особенно заметно в последние пол-столетия) процесс деформации *семьи* как одной из фундаментальных форм традиции. Постепенное отмирание института "большой семьи" привело в свое время к легитимации малой, "нуклеарной семьи" со своей системой смыслов и ценностей. Однако эта форма традиции со временем также стала подвергаться различным изменениям, ведущим к ее социокультурной деградации. Здесь можно выделить несколько стадий. Наиболее полноценная нуклеарная семья – это совместное проживание трех поколений – старшее поколение, родители и дети. Кроме того, такая семья, как правило, была *многодетной*. При этом речь шла не только о крестьянской, сельской семье, но и

городской. (Любопытно, что великий русский ученый Д. И. Менделеев был двенадцатым ребенком). На примере советской истории XX века можно было заметить, как "классическая" многодетная семья от десятилетия к десятилетию превращалась в мини-нуклеарную семью "по формуле 2+2" (родительская пара + два ребенка), затем "2+1", "1+1" (мать и ребенок) и т.д. Таким образом, семья по своему составу редуцировалась до логически мыслимого минимума. И все же до последнего времени даже такая минимизированная ячейка общества как массовый феномен сохраняла главное, что составляет сердцевину любой традиции – духовное, нравственное цементирующее начало, в ней сохранялись свои святыни, символы, нормы. Однако, начиная со второй половины XX в. в таких, к примеру, странах, как Россия, Белоруссия, Украина (разумеется, это касается и многих других стран), мы наблюдаем новый этап в деградации семьи как традиции. Первым признаком этого феномена можно считать рост числа разводов. Так, в Украине по данным Госкомстата (2005 г.) общий коэффициент браков – 4,5 на 1 тыс. населения, разводов – 3,7. Образно говоря, из четырех заключенных браков три распадаются. Если к тому же учесть процесс депопуляции (смертность в два раза превышает рождаемость: коэффициент рождаемости 8,8 человек на 1 тыс. населения, смертности – 18,2)⁹, то становится ясно, что вырисовывается тревожная тенденция. К признакам деградации семьи можно также отнести рост случаев:

- лишения родителей родительских прав;
- вступления в так называемый "гражданский брак" и однополые браки;
- отказа родителей от новорожденных детей;
- превращения сферы "сексуальных услуг" в прибыльный вид бизнеса;
- беспорядочных половых отношений и преступлений на сексуальной почве.

Все эти признаки, конечно, наблюдались и раньше, и все же в общей массе они составляли малую долю. Теперь мы замечаем угрожающую тенденцию, когда количество может перерасти в качество. Если это случится, семья как базовый социальный институт отомрет.

В данном случае нас в первую очередь интересует не столько социологический или демографический аспект проблемы, сколько социокультурный. Так, с демографической точки зрения случай намеренно временного объединения мужчины и женщины с целью удовлетворения сексуальной потребности, даже если в результате этого случайно родились дети и эти отношения были оформлены законным браком, считается браком и семьей. С духовной же точки зрения, на которой зиждется традиция, перед нами социологический феномен совершенно другого рода.

Существует точка зрения, согласно которой процесс отмирания семьи как социального института, если и нельзя напрямую назвать прогрессивным, то во всяком случае следует рассматривать как естественное и нормальное следствие развития современной цивилизации. На наш же взгляд, исчезновение института семьи как *формы традиции* – это антропологическая катастрофа. Современное

⁹ Крымская правда, № 154, от 20.08.05.

человечество может и должно ее предотвратить. Для этого нужно вовремя осознать надвигающуюся беду и принять своевременные меры социального, экономического и культурного порядка. Ведь под угрозу поставлен один из последних бастионов традиции всей мировой цивилизации – семья в ее подлинном духовном смысле.

Отметим, что вопросы деформации брачных отношений и разрушение семьи волнуют демографов, социологов, философов. На эту тему написано немало и учеными, и журналистами. Но все эти исследования в основном замыкаются на проблеме семьи самой по себе. Между тем проблема приобретает особую глубину (и даже трагичность), если понять, что институт брака и семьи в цивилизованном обществе – один из важных элементов традиции, способствующей сохранению и выживанию человечества. Именно семья, когда разрушались племенные и родовые отношения, способна была сохранить и передать нравственные ценности и нормы поведения, правила общежития и основы морали, вне которых человек не может сформироваться во всей полноте своих родовых качеств. (Отметим между прочим, что воспитание в семье, как оказалось, необходимо и многим стадным "общественным" животным – например, дружелюбные и трудолюбивые слоны без родительского воспитания вырастают в агрессивных и опасных для человека подростков – а затем и в неподдающихся дрессировке взрослых особей; некоторые виды обезьян, лишённые связи с матерью, как известно, вырастая, не могут вести нормальную половую жизнь, вырастить детеныша и т.п.) Семья защитила цивилизацию от полной деградации человека в технократическом мире. Ныне она сама нуждается в защите – если человечество хочет выжить.

Еще одним истоком маргинализации индивида является размывание традиций как инвариантов культуры. Уже с эпохи Возрождения в Европе наблюдается этот постепенно все усиливающийся процесс. Вначале он был связан с распадом профессионально-клановых объединений ремесленников, сельских общин и т.п., затем (вслед за "процессами глобализации" в рамках государственных объединений) он касается деформации родовых и национальных общностей. Развитие городов, повсеместная унификация стиля и образа жизни, интенсивные внутригосударственные и межгосударственные миграции приводят к тому, что люди, зачастую жившие прежде постоянно на одном месте, в однообразном окружении и в близости к природе – утрачивают свои корни, привычные человеческие связи, а вслед за этим – устойчивый уклад жизни, нравственные и мировоззренческие ориентиры.

Таким образом, маргинальность, эта "чума XX века" – началась значительно раньше, чем это обычно полагают; в минувшем же столетии она лишь приобрела угрожающие размеры и стала приводить к негативным для всего человечества последствиям. Обычно экологические катастрофы, техногенные заболевания, перенасыщенность планеты средствами массового уничтожения и т.п. называют демоническими спутниками научно-технического прогресса, считая, что все это та неизбежная цена, которую люди вынуждены платить за резкое улучшение условий жизни, комфорт, за небывалый по своим масштабам рост производства. И проблема якобы заключается только в том, что эта цена за комфорт слишком высока. При этом некоторые даже убеждены в том, что нужно затормозить или остановить вовсе

научно-технологический прогресс, ибо только при этом условии проблемы, угрожающие ныне самому существованию жизни на Земле, будут сами собой сняты.

Между тем есть основания полагать, что этот фундаментальный вопрос должен рассматриваться совсем в другой плоскости - в аксиологическом измерении. И причины глобального кризиса технократической цивилизации, и выход из нее лежат не в сфере техники (так называемом техносе), а в сфере духовно-нравственного порядка. Почему некоторые народы и в современную эпоху сохраняют гармоническую среду обитания, а другие - превращают ее в пустыню? Почему в наиболее "цивилизованных" странах экспоненциально растет число самоубийств? Приходится признать: не техника, а появление маргинального человека с его "бездомным сознанием" - глубинный исток современных пороков цивилизации.

Очевидно, что попавший с раннего детства в устойчивую систему традиционных нравственно-мировоззренческих координат индивид прежде всего будет ориентироваться на три основные ценности (независимо от национального колорита), присутствовавшие практически во всех древних традициях - почтение к природе, почтение к жизни, почтение к ближнему. Казалось бы, прогресс науки и техники, развитие социальных связей должны были бы лишь придать этим ценностям всеобщий, всепланетарный характер (кстати сказать, христианское мировоззрение как раз и провозглашает универсальную ценность каждого человека на Земле), между тем маргинальное сознание породило три других опорных тезиса: "природа не храм, а мастерская", "человек выше и бесконечно важнее всех других живых существ", "homo homini lupus est". Уместно отметить, что психология маргинальной личности становится нередко доминирующей в рамках современного процесса глобализации - в масштабах уже не только государственных, но и планетарных.

Сегодня на Западе из сохраняющихся форм традиции помимо семьи, можно указать на религиозную традицию (в особенности христианскую). В условиях маргинализации и обездуховливания человека, безусловно, нельзя переоценить роль религиозных мировоззренческих систем, в особенности мировых религий, поднявшихся выше национальной ограниченности. Широко известно, какую судьбоносную роль сыграло христианство в становлении и развитии духовной культуры славянских народов. В своих моральных канонах мировые религии близки друг другу, ибо тесно связаны с традиционными ценностями, которые как общий фундамент самых различных и даже экзотических национальных традиций были схожи у всех народов Земли, потому что только так можно было выжить, полноценно сохраняя себя и род в целом. Перефразируя знаменитый антропный тезис Хокинга (мы живем в такой Вселенной, потому что Вселенные другого типа вообще существуют без наблюдателей), можно сказать: нравственная основа традиций народов мира такова потому, что сообщества с другой основой уже не существуют.

Но почему мировые религии, эти хранилища духовности в технократическом бездуховном мире, не могут, тем не менее, полностью возместить отсутствие исконных начал в современном укладе жизни, заменить собой ту зияющую пустоту,

которая образуется в становлении человека с утратой традиционного воспитания? Вопрос слишком сложный, чтобы на него можно было ответить однозначно. Но некоторые моменты прорисовываются достаточно ясно:

а. универсальность любой мировой религии, ее унификация (без которой она не смогла бы стать всеобщей) из достоинства обращается в недостаток, когда речь заходит о тончайшей спецификации народной традиции, ее связи именно с данной социальной группой людей, живущих в данной среде и занимающихся данной деятельностью;

б. христианство, ислам или буддизм - великий Учитель, национальная традиция - домашний педагог, чье воздействие и на взрослых и на детей нельзя ни преуменьшить, ни заменить чем-то иным;

с. мировые религии, так или иначе, связаны с государством, с социальными институтами, традиции же тяготеют к иному полюсу: семье, дому, малой общине, школе.

В современном мире складывается сложная ситуация в деле преодоления маргинального сознания: ни утилитарная западная рациональность (тотальное господство которой опустошает человеческую душу, разрушает окружающую среду, превращает все культурные ценности в товар), ни религиозный фанатизм (предлагающий своим приверженцам путь жесткого самоограничения и отречения от многих благ цивилизации, ведущий в итоге к профанации жизни) - не могут всецело отвечать духовным потребностям полноценно развивающегося человека. Они - каждый по-своему - стремятся превратить его в "одномерного человека", лишённого способности критического отношения к окружающей действительности. Вот почему так важна новая социокультурная парадигма, в которой универсальное не исключало бы индивидуальное и неповторимое.

Только в свете сказанного, кстати, можно понять ту самоотверженность, энтузиазм и бескомпромиссность, с которой некоторые культуры Востока защищают Традицию, свой образ жизни, право на определенную автономность в глобализирующемся мире. Они исторически противодействовали любой агрессии. Но даже оккупация, в известной степени, позволяет сохранить самобытность, сердцевину национального духа. Сейчас же речь идёт не о временном подчинении власти чужаков или другого государства, а о вещах более глубоких. Многих племенных культур Африки, которые не успели этого понять, уже нет. Ждёт ли великие цивилизации Востока та же участь?

Список литературы

1. Огурцов А.П. Системность знания: история проблемы. – В сб. "Становление системных идей в науке и философии". – Вып. 7. - М., 1980.
2. Мунье Э. Что такое персонализм? – М., 1994.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций (пер. с англ.). – М.: "Изд. АСТ" , 2003.

Трифорова М.К. Традиція й соціокультурна синтагма у контексті тенденцій сучасної цивілізації

Дослідження присвячене обговоренню феномена традиції в широкому історико-культурному змісті. Автор здійснює перегляд колишніх стратегій цивілізаційного розвитку й указує причини глобальної кризи технократичної цивілізації.

Ключові слова: традиція, соціокультурна синтагма, технократична цивілізація, стратегії розвитку.

Trifonova M.K. Tradition and social/cultural syntagma in a context of tendencies of a modern civilization

Research is devoted to the discussion of a phenomenon of tradition in wide historical and cultural sense. The author carries out revision of former strategy of civilizations development and specifies the reasons of global crisis of a technocratic civilization.

Keywords: social/cultural syntagma, tradition, a technocratic civilization, development strategy.

Поступило в редакцію 11.09.2007